

— Да, нужно относиться ко всем одинаково, — Санья действовала очень явно: откусывала от одного, клала, откусывала от другого, клала. Проще говоря, она просто вредничала, делала это нарочно.

Шу Нин еще не успел что-то сказать, как Цинь Юйфу вдруг широко раскрыл глаза и рассердился:

— Ты можешь сравнивать себя с ним? Этот дом купил его отец! Ниннин живет здесь и платит за еду целый месяц, а ты?

— Дядя! — Эръя и Санья хором.

— Нельзя говорить о деньгах? Старшая и вторая сестры постоянно говорят со мной о деньгах, я с восемнадцати лет работаю на стройке, мне уже тридцать, я отдавал вашей семье деньги двенадцать лет подряд! Когда Ян Ян подрался в средней школе, я выплатил компенсацию 3 000, и еще занимал, чтобы отдать!

Тянь Ян опустил голову. Тогда он учился в третьем классе, в доме были деньги, но мать специально надела старую одежду и пошла на стройку к дяде за деньгами, сказав, что дяде легко зарабатывать, а мы надрываемся до перелома спины, и за месяц не заработаем столько, сколько он. К тому же он твой старший родственник, потратить немного денег — это нормально. Тянь Ян считал эти рассуждения несостоятельными и с тех пор отдалился от матери.

Он очень сожалел, что не поговорил с отцом о матери, и решил, что, вернувшись домой, обязательно найдет время и обсудит это с ним. Тянь Ян был честным, он встал:

— Эръя, Санья, идите мыть руки, заберите свои сумки с верхнего этажа, мы уезжаем.

— Нельзя! — снова хором.

— Что, мои слова для вас пустой звук? — Как старший брат, он имел определенный авторитет.

Две маленькие девочки были очень расстроены, особенно младшая, в ее глазах стояли слезы, она смотрела на Шу Нина:

— Мы тоже хотим жить в вилле, Сяо Гэгэ, пусть твой папа купит нам, мама говорила, что в деревне видели твоего папу, он очень важный, ездит на машине, если даст немного денег, нам хватит на всю жизнь.

— Почему я должен давать тебе деньги? — Шу Нин не знал почему, но вдруг начал подначивать.

— Мы же семья.

— Я ношу фамилию Шу, а ты — Тянь.

— Но твоя мама и моя мама носят фамилию Цинь!

Шу Нин рассмеялся, ему стало неинтересно:

— Ладно, сегодня вы сначала поедете домой, а потом пусть ваша мама поговорит с моей, они же родные сестры, наверняка согласится.

— Правда? — Две девочки обрадовались, их глаза загорелись звездами, они были полны жадности.

Шу Нин, несомненно, был настоящим сыном Цинь Юйчжо, стоило ему представиться случай, и он уже строил козни против матери!

«Мечтать о вилле дяди... Это слишком странно, нормальные люди так не делают!»

Что у них в голове?

К тому же, у них же есть родственная кровь, они должны желать ему только добра! Если не могут эксплуатировать других, то берутся за своих, хм, это просто бесстыдно.

В вашей семье много детей, вы не можете их всех содержать, вам нужны деньги, но ваш брат еще не женился! Если бы Цинь Юйфу вдруг не взорвался, Шу Нин даже не знал бы, что дяде уже тридцать. Цинь Юйчжо выглядела как двадцатилетняя девушка, Шу Нин действительно не обращал на это внимания, ему стало немного неловко.

Называть их животными... Это было бы обидно для животных!

Смотря на двух распустившихся «кровососов», улыбка на лице Шу Нина становилась все ярче:

— Конечно, правда.

Эръя была очень умной, она надула губы:

— Словам верить нельзя, мы даже не знаем, где живет тетя!

— Я дам вам адрес.

Цинь Юйфу мельком взглянул на Шу Нина, слегка удивившись, но не стал вмешиваться. На самом деле Ниннин был прав, третья сестра действительно круче, чем старшая и вторая, если они пойдут к ней, то не уйдут без шкуры... Хотя, осмелятся ли они пойти к третьей сестре? Муж тети такой строгий, я боюсь с ним разговаривать.

Если они действительно придут, это уже будет не просто наглость, а бесовщина!

Сарказм на лице Шу Нина был очевиден, он даже не пытался его скрыть, написал адрес, и Санья тут же выхватила его, облегченно вздохнула и спрятала во внутренний карман. Эръя разозлилась, ударила сестру по спине и забрала записку, положив в свой карман, чтобы успокоиться. Люди готовы умереть ради богатства, а птицы — ради еды, это действительно так. Шу Нин с интересом наблюдал за этим, забавно, они и между собой не ладят, грызутся!

Тянь Ян все это видел, он уже студент первого курса курса, как он мог не понимать? Лицо его покраснело от стыда за сестер, и он также чувствовал раздражение от высокомерия Шу Нина. «Деньги делают тебя крутым? Но кого винить? Шу Нина? Если бы кто-то постоянно приходил ко мне просить деньги, я бы тоже жестоко выгнал их».

Эх... Быть бедным — это не преступление, Тянь Ян был гордым, раньше он ленился иметь с ними дело, но теперь, вернувшись, он обязательно остановит мать!

Две девочки хотели еще поесть, но Тянь Ян, поняв всё, насильно повел их мыть руки, а затем собирать вещи.

Шу Нин посмотрел на дядю:

— Ты действительно случайно встретил их в больнице?

— Угу.

— Тогда почему они все трое были с сумками? — Некоторые вещи дядя не замечал, Шу Нин хотел открыть ему глаза, как только возникнут сомнения, в следующий раз его будет не так легко обмануть.

— Я понял.

Шу Нин:

...

Прораб как раз подошел, сел на стул и принялся за еду:

— Нинни, ты что, правда считаешь своего дядю дураком?

Шу Нин покраснел, забота затуманивает разум!

Две девчонки, несмотря на свою прозорливость, не смогли уничтожить всё, например, суп остался, можно всем поесть с рисом. Цинь Юйфу с болью смотрел на разгромленный стол, это были его кровные, честно заработанные деньги, он не остановил девочек, когда они баловались, потому что знал, что это в последний раз. Прораб отвез их домой на машине, Тянь Ян не позволил Цинь Юйфу сесть в машину, отвел его в сторону и о чем-то поговорил перед отъездом.

Шу Нин вернулся в гостиную смотреть телевизор, Цинь Юйфу вдруг удивился:

— Телефона нет...

Домашние воры — это беда.

Раньше Тянь Ян специально поднялся наверх, чтобы помочь сестрам собрать вещи, и Шу Нин понял его намерения, но всё равно украли, хм. Некоторые мелкие привычки легко изменить, но воровство... Это слишком сложно, привыкнув к легкой наживе, невозможно остановиться, если не унести что-то, то на душе беспокойно.

В любом случае, две девчонки сейчас в машине, никуда не денутся, достаточно позвонить прорабу и объяснить ситуацию.

Цинь Юйфу было очень грустно, он уже помыл посуду и тяжело вздыхал:

— Все дети, но такие разные, что же будет дальше?

— Что будет? Это их жизнь, выбор за ними, ты не должен нести ответственность, — Шу Нин подошел к дяде и вдруг обнял его за талию:

— Выкладывай.

— Что?

— Будущая тетя!

— ...

— Ты покраснел, покраснел, хахахаха!

— Ты, малыш! Все понимаешь, — Цинь Юйфу схватил подушку и легонько ударил Шу Нина, играючи.

Шу Нин ойкал и просил пощады, его смех разносился по дому, а человек, стоящий снаружи, сразу же помрачнел. Тот думал, что Шу Нин не ест и не спит от тоски, а он, оказывается, так весело проводит время.

Цинь Юйфу вышел из дома, ему нужно было на работу, напротив стояла очень красивая машина, он даже бросил на неё пару взглядов. Молодой человек, прислонившийся к двери машины, спокойно смотрел на него, его взгляд был суровым и пронзительным. Цинь Юйфу инстинктивно опустил голову и пошел дальше, чувствуя сильное волнение. Люди, живущие в этом районе, были не простыми, возможно, это был ребенок из богатой семьи.

Шу Нин только хотел подняться наверх, как вдруг раздался звук уведомления на телефоне, это был особый сигнал, означавший сообщение от Шу Хэна.

Уже скучаешь по мне?

Шу Нин самодовольно открыл сообщение и... о боже, что за чертовщина? Всего два слова: [Выходи].

Он здесь? Он приехал? Он даже не сказал мне? Сначала сделал, а потом сообщил, как это мило. «Подросток, скучаешь без младшего брата? Хахаха, посмотрим, как ты будешь холоден». Шу Нин сдержанно улыбался, но не мог скрыть своей радости, немного повел плечами и, семеня короткими ножками, вышел встречать его.

Шу Хэн был одет в черный костюм, его выдающаяся внешность заставляла проезжающие машины замедляться...

— Брат!

Глазки малыша сияли, словно звезды, холод на лице Шу Хэна постепенно рассеялся, став мягче:

— Иди сюда.

Шу Нин был так рад, ему захотелось подразнить Шу Хэна, поэтому он бросился к нему бегом, подпрыгнул, раскрыл свои маленькие ручки и бросился в объятия.

Впервые Шу Хэн «спокойно» раскрыл свои объятия, поймал его, крепко прижал руками. Это тепло, этот аромат и мягкость принадлежали только ему.

Шу Хэн еще не понимал, что означала эта собственническая страсть, он властно наклонил голову и потерся щекой о макушку малыша.

Шу Нин был счастлив, его маленький носик шевелился, особый свежий аромат Шу Хэна приносил ему невероятное успокоение, словно даже если небо упадет, это не страшно.

— Не пригласишь меня войти?

Какой хриплый голос, он простудился? Шу Нин инстинктивно потянулся ручкой потрогать его лоб, температура была нормальной:

— Конечно, дома только я один. Брат, если бы ты пришел на две минуты раньше, то увидел бы моего дядю.

Твой дядя... Мне он не нравится.

<http://bllate.org/book/16573/1513607>